

Димони Т.М.
ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ
О ВОЛОГОДСКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ⁷

Писатель Виктор Петрович Астафьев переехал в Вологду из Перми и прожил здесь около 10 лет – с 1969 по 1979 годы. В Вологде были написаны его лучшие произведения: «Современная пастораль», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду», многие главы из книги «Последний поклон», «Царь-рыба» и др.

Отношение к Вологде у Астафьева было не простым. По воспоминаниям знавших его в вологодский период, он не мог привыкнуть в этому городу, к вологодскому характеру, строю речи. Астафьев говорил, что «глух» к вологодскому говору, не может воспроизводить его на бумаге. Не всегда складывались его отношения и с вологодскими писателями. Хотя вологодское начальство, прежде всего, с подачи Первого секретаря Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгина, встретило переехавшего Астафьева благосклонно, создало ему хорошие условия жизни.

При всем непростом отношении писателя к Вологодчине, она дала Астафьеву новый и ценный для него опыт в осмыслении волновавших его вопросов, связанных с Великой Отечественной войной. Нужно сказать, что Вологодская область обладала значительными демографическими особенностями. Она была преимущественно сельской территорией, находилась близко к театру военных действий, поэтому испытала полномасштабную военную мобилизацию. Область использовалась как узел медпомощи раненым воинам, размещения эвакуированного из Ленинграда и Карело-Финской АССР населения. В результате территория Вологодчины, на которой почти не велось военных действий, стала в демографическом плане одним из самых пострадавших регионов СССР. По данным статуправления Вологодской области, подготовленным в 1945 г., численность населения здесь за 1941–1945 гг. сократилась с на 427 тыс. человек (с 1701800 чел. до 1274150 чел.) [1]. В расчете на количество населения эти потери составили 25% довоенной численности населения. Основные потери понесла сельская местность Вологодчины, где население сократилось более чем на 30%. Основные потери, конечно, приходились на мужское население молодых и средних возрастов.

В.П. Астафьев в 1970-е гг. стал свидетелем страшных последствий войны для русской глубинки. Особенно взволновала его судьба вологодской деревни, точнее даже, судьба вологодской крестьянки в контексте военного и послевоенного времени. Здесь уместно проанализировать небольшие произведения, ставшие квинтэссенцией размышлений Астафьева о сельской женщине, – рассказах «Звезды и елочки» (1972 г.) и «Не запрягайте женщин в плуг» (1987 г.).

Появление вологодской крестьянки в качестве главной героини рассказов о военном деревенском лихолетье не случайно. Приведем данные архивных источников. Уполномоченный Госплана при СНК СССР по Вологодской области в 1945 г. составил справку «Женщина в народном хозяйстве Вологодской области» [2]. «Понятие «мужская профессия», – пишет уполномоченный, – «устарело. Нет такой специальности, отрасли производства, которые бы не освоила женщина в годы войны...». Наибольшая численность женщин в промышленности работала на предприятиях лесной и бумажной отраслей – более 16 тыс. человек. А в сельском хозяйстве все трудности легли на женские плечи. Весной 1945 г. женщины Вологодской области составляли 68% работников машинно-тракторных станций, 79% работников совхозов, более 70% трудящихся других сельхозпредприятий. В наиболее трудоспособных возрастах – от 18 до 50 лет – женщины в 1945 г. составляли более 80 % всего трудоспособного населения. Они практически полностью заменили в сельском хозяйстве ушедших на фронт отцов, братьев и сыновей.

К размышлениям о деревенской женской доле В.П. Астафьев неоднократно возвращался в своих произведениях. «Не запрягайте женщин в плуг» (подзаголовок «рассказ деревенской женщины») произведение настолько же бытоописательное, насколько и эпическое. Деревенская повседневность конца войны обрисована в нем буквально несколькими строками: «К весне сорок четвертого война чисто вымела в нашей деревне...дворы и сусеки. Мужиков нет, лошадей – две калеки, бабы, что при силе, все угнаны на лесозаготовки, либо на фермах волохают. А пахать и сеять надо...». Рассказчице этой истории, изложенной Астафьевым, шел в ту пору ше-

⁷ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00341 «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания»

стнадцатый год. Ее реакция на решение общего собрания колхоза, постановившего, что пахать нужно на женщинах («ну раз тягла нет, придется самим колхозникам... пристянуться у плугу») типична для русской женщины. Несмотря на слезы и уговоры матери героиня рассказа говорит: «Надо, дак...». Дальше, рассказывает женщина, «сделала я себе из старой детской пеленки ляжку, к веревке ее увязала...». Героиня рассказа Астафьева «Не запрягайте женщин в плуг» счастливо избежала участи «пристяжной». Но в жизни чаще бывало по-другому. Фото и кинохроника военных лет, послевоенного десятилетия, художественные фильмы показывают запряженную в ярмо крестьянку как горькую обыденность тех лет. Этот яркий образ, ставший символом будничного героизма советского (русского) народа, без сомнения сам по себе монументален. Несколько лет назад поднимался вопрос о памятнике вологодской женщине, крестьянке, колхознице военной поры. Думаю, что визуальный образ, предложенный Астафьевым и другими художниками, – самое точное отражение военной реальности и напоминание о настоящем «втором фронте», который состоял из женщин, стариков и подростков, работавших в тылу.

В другом рассказе «Звезды и елочки» Астафьев описывает уже послевоенную деревню. Действие рассказа разворачивается в деревне Блудново (на родине поэта и прозаика А.Я. Яшина) Никольского района Вологодской области в начале 1970-х гг.

Путешественники останавливаются «испить воды» у деревенского дома, где живет, как пишет Астафьев, «приветливая женщина, возраст которой сразу не определить было – так скорбно и темно лицо ее». Но заговорила женщина приветливо. «Я не устаю поражаться, – замечает Астафьев, – как люди, особенно женщины, и особенно на Вологодчине, несмотря ни на какие невзгоды, сохраняют и несут по жизни распахнутую, неунывающую душу».

Главные эпизоды рассказа «Звезды и елочки» связаны с удивлением писателя-сибиряка незнакомыми ему знаками-символами, встреченными в этой глухой вологодской стороне. Первый из них – «звездочки, прибитые к торцам углов сельских изб». Хотя для людей, живших в 1970 – 1980-е гг., этот символ, общепринятый для обозначения памяти павших на полях сражений в советское время, был близок и понятен, тем не менее, начало 1970-х гг. характеризовалось иным отношением к памяти о Великой войне 1941–1945 гг. Даже формально День Победы, 9 мая, до середины 1960-х гг. был рабочим днем. Скорее он воспринимался как день памяти и траура по погибшим в годы войны, чем как праздник в полном человеческом смысле этого слова. Шаги же по организации мест памяти стали предприниматься лишь в 1970-е гг. Тогда открывались обелиски, мемориалы, зажигался Вечный огонь. К середине 1970-х гг. относятся и целый ряд принятых социальных мер для участников войны – введены льготы на лекарства, проезд, делались значительные прибавки к пенсиям и т.д.

До широких мер увековечения памяти погибших население, и, особенно население деревень, стихийно выработало свои знаки скорби по погибшим воинам. В вологодской деревне, да и во многих других местностях, дома фронтовиков, не вернувшихся с войны, обозначали жестяными красными звездами по количеству павших воинов. У хозяйки дома, с которой разговаривал Астафьев, было прибито на торец 5 таких звезд. Она пояснила: «Пятеро не вернулись у меня с войны: сам, трое сыновей и деверь». Нужно сказать, что такие потери для сельских вологодских семей не были редкостью. Военные потери были столь велики, что во многие деревни не вернулся с фронта ни один мужчина или их возвращались единицы.

Не зажили и в 1970-е гг. раны, причиненные вологодской деревне войной. «Как много на Вологодчине недостроенных и уже состарившихся изб», – замечает Астафьев. Сиротеют дома, старятся женщины, а хозяин недостроенного дома, русский мужик спит «непробудным сном в нашей и чужой земле». Пустая изба, недостроенная изба – еще одна горькая, замеченная Астафьевым примета войны.

Конец рассказа «Звезды и елочки» повествует о еще одном открытии Астафьева в Никольской деревне. Вот как рассказывает об этом автор: «На одном из домов, высоко под застрехой, увидел я елочку в ленточках и тряпочках». Спутники пояснили, что елочка – древний языческий символ невесты. Когда жених уходил из деревни, например, в солдаты, то невеста обряжала елочку и прибывала к мезонину избы суженного. Снять елочку имел право только вернувшийся в деревню жених или сама невеста. «Увы, – замечает Астафьев, – на многих вологодских домах ныне траурно чернеют и осыпаются елочки, ...не возвращаются парни в родные села, ...оседают в городах или на стройках».

Звезды и елочки – это найденные Астафьевым символические образы сиротеющей русской деревни. Мужское и женское начала родной земли пересекаются в его рассказе, но оба оказываются бессильны возродить утраченное. Старое языческое, сохранившееся до 1970-х гг. и новое советское, ставшее своим и привычным отражают у Астафьева одно и то же – горечь потери разрушающегося дома.

Астафьев в своих коротких рассказах не делает глобальных мировоззренческих выводов, его горькая и светлая проза – скорее впечатления зрителя, чем анализ мыслителя. Он по-своему воспринял и интерпретировал судьбу вологодской деревни, которая и для Астафьева стала во многих проявлениях настоящим открытием, а для нас – памятью о войне.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-374. – Оп. 11. – Д. 359. – Л. 285.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-374. – Оп. 11. – Д. 359. – Л. 18 – 24.